

**«МОЖЕТ БЫТЬ, И Я ПОДТАЛКИВАЛ ВАС...»
(к вопросу о творческих взаимосвязях И. А. Гончарова и Л. Н. Толстого)**

В. И. Мельник

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 08-04-00079а
«И. А. Гончаров и мировой литературный процесс»

Знакомец обоих писателей наблюдательный А. Ф. Кони в своё время отметил: «... Гончаров ближе других подходит к Толстому... Толстого более всего интересовала нравственная природа человека вообще, независимо от условий... Гончаров стремился изобразить национальную природу русского человека, народные его свойства, независимо от того или иного общественного положения»¹. Ему вторит А. Барсов, который, хотя и с натяжкой, отмечает переключку замыслов романа «Обрыв» и эпопеи «Война и мир»². Самое яркое, хотя и не во всём справедливое, замечание сделал Н. Н. Апостолов: «И однако... Толстой и Гончаров полюбили друг друга ... и тот и другой были ... мастерами широкой, многоплановой, с массивным и богатым содержанием, прозы, унаследовавшей черты англо-французской романистики XVIII и начала XIX века; оба были сосредоточены на социально-моральных вопросах и художественно ... рисуя заметно схожие женские (да и мужские) образы...»³. В дальнейшем некоторые исследователи хотя и мимоходом, но отмечали как биографические, так и творческие⁴ контакты и расхождения Гончарова и Толстого. Однако общей картины их творческих взаимосвязей мы пока не имеем.

Знакомство писателей произошло 24 ноября 1855 г.⁵ В то время Гончаров уже был признанным «современным классиком», автором «Обыкновенной истории» и «Сна Обломова». Главное отличие Л. Толстого от уже оформившихся в 1840-е гг. русских писателей состояло в необычайной новизне, свежести его стиля, которые свидетельствовали, что он оказался практически не затронутым нивелирующим влиянием «натуральной школы» и сразу пошёл в литературе своим крупным шагом. Гончаров почувствовал в Толстом самобытную и крупную личность, человека, который обо всём имеет своё собственное суждение и смело его высказывает. Образец тогдашних суждений Толстого, которые могли вызвать открытую и искреннюю симпатию Гончарова, находим в письме Толстого к Н. А. Некрасову от 2 июля 1856 г.⁶ Мысль о человеке «жёлчном» и «человеке любящем» занимает большое место в гончаровском романе «Обломов». Очевидно, Гончарова также возмущала атмосфера литературного отрицания всего и вся. Как и Толстой, он искал тот идеал, который можно противопоставить этой атмосфере разрушения. «Любящим человеком» в романе является Илья Ильич Обломов, который с неожиданной для него страстностью нападает на описателя современных пороков литератора с говорящей фамилией — Пенкин. Пенкин «пуще всего ратует за реальное направление в литературе». Между Обломовым и Пенкиным завязывается спор: «— Что ж еще нужно?.. это кипучая злость — жёлчное гонение на порок, смех презрения над падшим человеком... тут всё!

— Нет, не всё! — вдруг воспламенившись, сказал Обломов, — изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! — почти шипел Обломов. — Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью...»

Толстой был близок Гончарову как художник с большими нравственными, идеальными запросами. Оба они тяготели к традиционным нравственным ценностям, скрепляющим человеческое общество: религия, семья, сердечная доброта человека. Из массы писателей той поры их обоих выделяло негативное отношение к жоржсандизму⁷. Оба видели в женщине прежде всего жену, мать семейства⁸. Именно эту важную общность во взглядах, а также превосходство Толстого в самостоятельном отстаивании известных принципов подчеркнёт уже стареющий Гончаров, вспоминая минуту знакомства⁹. Эти слова дополняет признание в «Необыкновенной истории»: «...Лев Николаевич ... сходил с нами почти ежедневно — опять все у тех же лиц — Тургенева, Панаева и проч. Говорили много, спорили о литературе, обедали шумно, весело – словом, было хорошо»¹⁰. Писатели встретились у Тургенева, который устроил вечер в честь Толстого. С тех пор они часто виделись у общих знакомых: Н. А. Некрасова, А. В. Дружинина, в Шахматном клубе и т.д. Толстой, однако, чувствует свою некоторую отчуждённость кружка современных литераторов, причём по принципиальному вопросу. 13 ноября 1856 г. в дневнике запись: «...в 4-м часу к Дружинину, там Гончаров, Анненков, все мне противны, особенно Дружинин, и противны за то, что мне хочется любить, дружбы, а они не в состоянии»¹¹.

Самобытные, нехарактерные для кружка Белинского мнения графа Толстого по поводу различных явлений и событий производили на Гончарова заметное впечатление. Очевидно, они были интересны друг другу. Уже после знакомства с Гончаровым, в апреле 1856 г. Толстой послал «Обыкновенную историю» В. Арсеньевой с припиской: «...Прочтите эту прелесть. Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее»¹². А 4 декабря 1856 г. Толстой записывает в своём дневнике: «Читаю прелестную “Обыкновенную историю”», то есть перечитывает роман Гончарова. Это было время, когда Толстой ещё мог сказать, что он «учится жить» у Гончарова: ведь он был на 16 лет моложе автора «Обломова». 14 ноября 1856 г. Гончаров присутствует у А. А. Краевского на чтении Толстым «Утра помещика». Толстой записал по этому поводу в своём дневнике: «Дудышкин и Гончар<ов> слегка похвалили “У<тро> П<омещика>”». Толстой отмечает и некоторую обидную снисходительность С. Дудышкина и Гончарова.

В 1858 г. Гончаров издаёт очерки своего путешествия под названием «Фрегат “Паллада”», а в 1859 г. — роман «Обломов». Толстой же переживает в это время эпоху творческих исканий и в основном неудач. Он пишет такие вещи, как «Альберт», «Люцерн», «Три смерти», работает над «Кзаками». Долгое время его ничего не удовлетворяет, так что он на рубеже 1860-х гг. даже решает оставить литературу и поселиться в поместье. Роман «Обломов» Толстой воспринимает с восторгом. В письме к А. В. Дружинину от 16 апреля 1859 г. он просит передать автору своё впечатление¹³. Обычно цитирование отзыва Толстого на этом и кончают. Но следую-

щая фраза Толстого показывает, что писателя далеко не всё удовлетворяло в романе Гончарова: «Я же с тех пор, как стал литератором, не могу не искать недостатков во всех больших и сильных вещах и об “Обломове” много желаю поговорить»¹⁴. Именно эта фраза не могла не задеть мнительного и всегда сомневающегося в себе Гончарова. В его письме к Толстому от 13 мая не только прорывается неподдельное уважение к своему адресату, но и проглядывает некоторая осторожность, смешанная, однако, с уверенностью в действительной «капитальности» своего романа¹⁵.

Истинный масштаб Толстого-художника гончаровскому кругу и ему самому раскрылся по выходе первых трёх томов романной эпопеи «Война и мир». В письме к И. С. Тургеневу от 10 февраля 1868 г. Гончаров сообщает своему адресату: «Главное известие берегу pour la bonne bouche¹⁶: это появление романа “Мир и война”, графа Льва Толстого. Он, то есть граф, сделался настоящим львом литературы» (VIII. 371–372). Гончаров действительно не читал роман «Война и мир». Лишь осенью 1868 г. он просит С. А. Никитенко прислать ему для прочтения произведение Толстого¹⁷. Очевидно, уже первые три тома произвели на Гончарова сильнейшее впечатление¹⁸, тем более что каждая часть отличалась определённой автономностью. Сам Толстой писал по этому поводу: «Мне кажется, что ежели есть интерес в моем сочинении, то он ... удовлетворяется на каждой части этого сочинения... Сочинение это может быть печатаемо отдельными частями, нисколько не теряя вследствие того интереса и не вызывая читателя на чтение следующих частей»¹⁹. Уже много лет спустя, 17 июля 1878 г., Гончаров рекомендует датскому переводчику П. Б. Ганзену целый список произведений, достойно представляющих русскую литературу. И прежде всего это — «Война и мир»: «Советую заняться переводом романа Толстого “Война и мир”. Это положительно русская “Илиада”, обнимающая громадную эпоху, громадное событие и представляющая историческую галерею великих лиц, списанных с натуры живой кистью великим мастером. Если б это было передано мастерским, верным пером в иностранные литературы, то последние нашли бы немного у себя что поставить рядом с этою нашею национальною эпопеею... Другие произведения этого автора так же капитальны по своим литературным достоинствам, но *Война и мир* — выше их всех по своему историческому и народно-русскому значению»²⁰.

Гончаров, давая такую характеристику «Войне и миру», называя толстовское произведение русской «Илиадой», несомненно, чувствовал и понимал различия, существующие между своим собственным и толстовским типами романа. Социально-психологический, любовноцентричный роман Гончарова не обладал такой панорамностью, такой степенью широты в захвате жизненных явлений, как роман Толстого. В романе Гончарова, с другой стороны, нет и столь универсально мыслящего и комментирующего автора-повествователя. Гончаров, как и Тургенев, как и многие другие современники, не мог этого не оценить по достоинству. Его потрясала самостоятельная сила самовыражения и оригинальности Толстого, так свободно и органично проявляющаяся в границах романного жанра, мыслимого до сих пор куда более локально. Вот откуда определение Гончарова: русская «Илиада». Возможно, относительный неуспех «Обрыва», романа, который так долго подготавливался Гончаровым и в который он вложил все свои лучшие мысли и идеалы,

этот неуспех был связан не столько с тем, что отдельные сцены, образы, картины его уже реализовались, как казалось Гончарову, в романах Тургенева, но с тем, что русская публика, получившая в 1868 г. роман «Война и мир», уже почувствовала вкус новой литературы, оттенившей анахронизм гончаровского романа. Н. Н. Страхов подчёркивал, что успех толстовской эпопеи был необыкновенный: «Давно уже ни одна книга не читалась с такою жадностью»²¹. Роман «Обрыв» отличается от «Обыкновенной истории» и «Обломова» большей степенью открытости и «полифонизма», но все эти признаки эволюции гончаровского романа наблюдаются внутри уже выработанной жанровой формы.

В 1860–1870-е гг. писатели не общаются, но Гончаров постоянно возвращается к произведениям Толстого. В конце 1878 г. он просит у М. М. Стасюлевича прислать ему девятый том «Русской библиотеки» с произведениями Толстого и 1 января 1879 г. благодарит за присылку²². К этому времени уже был опубликован роман «Анна Каренина». Гончаров и его прочёл внимательнейшим образом. В статье «Лучше поздно, чем никогда (критические заметки)» (1869–1870) он пишет: «Граф Лев Толстой — бесспорно великий реалист, в лучшем смысле слова²³, пишет, конечно, с натуры, особенно в последнем своем произведении. Он по-своему понял, о чем хлопочут новые реалисты, и, обладая тем, чего им недостает, преподал манеру, как можно и нужно, творчески, силою фантазии, стать очень близко к природе и правде. Какою нежною теплотой окружает он некоторые свои лица, например, своего героя Левина с женой, или эту мягкую, развалившуюся от забот житейских добрую Облонскую, бедную грешницу Каренину, детей, потом деревню, поля, охоты и все, что он любит, с чем сжился и чем пропитался!» (VIII. 109). Он восхищался в «Анне Карениной» даже мелочами художественного письма. Племянник романиста А. Н. Гончаров вспоминал: «Я помню, как восторгался он описанием зрительной залы Большого театра в романе “Анна Каренина”. Его поражали в этом описании детали. “Ведь десятки раз бывал я в этом театре... а ничего подобного не замечал. Толстой же при своей колоссальной наблюдательности описал все это превосходно, ярко, картинно”...»²⁴

Реализм Толстого открывался Гончарову как нечто родственное по результатам художественного поиска. Не случайно в своей статье, говоря о романе «Анна Каренина», он обратил внимание на образ Анны как «бедной грешницы». Он заметил, что Гончаров окружает её образ «нежной теплотой». Ему, создателю образа Веры в «Обрыве», это отношение Толстого к своей героине было очень понятно. Так же ему были близки и мысли Н. Н. Страхова о Наташе Ростовской: «Безжалостно, беспощадно гр. Л. Н. Толстой обнаруживает все слабые стороны своих героев; он не утаивает ничего, не останавливается ни перед чем, так что наводит даже страх и тоску о несовершенстве человека. Многие чувствительные души не могут, например, переварить мысли об увлечении Наташи Курагиным; не будь этого, какой вышел бы прекрасный образ, нарисованный с изумительной правдивостью! Но поэт-реалист беспощаден»²⁵. Как это было близко Гончарову, который с беспощадным же для своего времени анализом развенчивал идеализм Александра Адуева в «Обыкновенной истории», изображал душевную и духовную драму Ильи Обломова, «артисти-

ческие» слабости Райского, «падение» Бабушки и затем Веры. При этом Гончаров при изображении женской и вообще человеческой драмы концентрирует внимание на контрасте «падения» и «воскресения». Здесь он остаётся большим идеалистом, чем Толстой, более традиционным защитником евангельского взгляда на человека. Падение Наташи (увлечение Курагиным) преодолено ею интуицией чистой женской души. Над Верой в «Обрыве» постоянно мерцает образ часовни, стоящей над обрывом, креста и лика Христа. Гончаров, несомненно, более патетичен, «учителен», чем Толстой, при изображении подобных ситуаций.

Писательское самолюбие далеко не было чуждо автору «Обломова». Гончаров считал себя одной из первых фигур в современной русской литературе и вольно и невольно сравнивал себя с другими писателями крупного масштаба. Тургенева и Достоевского Гончаров признаёт, однако, с весьма существенными оговорками. Зато в Толстом видит настоящего художника и смело ставит его впереди себя. Их объединяла пластичность и отношение к образу. Оба художника предпочитают изображать позитивное, идеальное, традиционное. Характеры их героев, за немногими исключениями, цельны или стремятся к цельности, устойчивости. К этой же цельности Ф. Достоевский, изображавший больных, раздвоенных людей, шёл иным путем. Необычайная цельность, нравственная чистота героев Толстого и Гончарова имеют исходной точкой детство. Вот отчего оба писателя так глубоко разрабатывают мотив детства в своём творчестве. Исследователи и критики, начиная с С. Дудышкина, многократно подчёркивали связь между повестью Толстого «Детство» и «Сном Обломова».

Даже в изображении «диалектики души» Гончаров и Толстой оказались близки. Уже герой «Обыкновенной истории» подан Гончаровым в акцентированном развитии характера. Недаром этот роман так нравился Толстому: он был ему весьма близок и в чём-то (а именно в законченной композиции, прозрачности и простоте замысла) превосходил толстовские произведения. Правда, прозрачность и простота — это оборотная сторона некоторой упрощённости и схематизма, в поэтике «диалектики души» у Толстого больше разнообразия и того, что можно назвать «стереоскопичностью»²⁶.

Романист всегда ощущал не только «львиную мощь» Толстого, но и его художественную родственность. Гончарова привлекает именно пластичность Толстого, столь характерная для него самого. Когда Толстой начинает отклоняться от чисто художественной задачи в «проповедь», Гончаров обращается к нему со словами увещания. Лучшей проповедью он считает самое «художество», которое по самой своей природе объективно и нравственно. В письме к Толстому от 2 августа 1887 г. после прочтения таких произведений Толстого, как «Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», «Власть тьмы», он пишет: «Их и не простой народ прочтет сквозь слезы: так прочел их и я — и точно так же прочли их, как я видел, женщины и дети... Такие любовью написанные страницы есть лучшая, живая и практическая проповедь и толкование главной евангельской заповеди» (VIII. 495). Этот мотив надолго станет главным в переписке Гончарова и Толстого в эти годы, когда Толстой создаёт произведения «для народа». Гончаров постоянно противопоставляет «художество»,

под которым он подразумевает мышление образами, и «сознательную проповедь». В письме к П. А. Валуеву он пишет: «...Таковы и все романы Толстого, где он мыслит и мудрствует одними образами, и, напротив, они слабы, где он становится на сознательную почву мысли, философии, переставая изображать»²⁷.

Раздумывая об эстетике современного романа, о принципиальных вопросах современной литературы, Гончаров постоянно возвращается к творчеству Толстого как убедительному иллюстративному материалу. Так, в 1870-е гг. он, по ряду поводов, размышляет об изображении высших классов в современном романе. Этому посвящены и письма к П. А. Валуеву, и критический очерк «Литературный вечер». В одном из писем к Валуеву он замечает: «Никто не тяготился и не упрекал Толстого за картину заседания министров в его романе и также за сцену дворянских выборов, а они тоже к роману (будто бы) не относятся...»²⁸

Кстати сказать, изображая высший свет в «Литературном вечере», Гончаров и сам не избежал определённого влияния Толстого и остановил своё внимание на некоторых рельефно изображённых ещё в «Войне и мире» характерах. Таков, например, старик граф Пестов, который назван Гончаровым «светской окаменелостью»: «Он уже лет десять смотрел тусклым взглядом вокруг себя, не всегда и не все понимая, что происходит. Он поминутно забывал, о чем говорит, иногда и с кем говорит... Привезут его, посадят в покойное кресло и посылают то того, то другого гостя по очереди поговорить с ним, потом оставят. А он посидит, пожует губами, пошепчет что-то и задремлет» (VII. 105). Это весьма напоминает старую графиню из салона Анны Шерер (Ч. I, гл. 2)²⁹. Приём «срывания масок», столь нехарактерный для Гончарова, — хотя и в смягчённом варианте, — в «Литературном вечере» присутствует и наблюдается постоянно. Как и Толстой, Гончаров приоткрывает внутреннюю психологическую мотивировку поведения человека, не совпадающую с формальной. Правда, всё это крайне смягчено у Гончарова. Многие портреты великосветских гостей поданы в толстовском духе: «На лице и во всей фигуре княжны, ее дочери, напротив, покоилось ненарушимое спокойствие; ни удовольствия, ни скуки не выражало это лицо. Можно было бы назвать его мраморным изваянием, если бы — когда в романе заходила речь о любви — это лицо не принимало внезапно выражения ничего не понимающей невинности.

Княжна сидела несколько впереди всех. Свет лампы сбоку ярко освещал ее голову, бюст и руки. Она была одета в розовое с белым отливом платье, в руке держала черепаховый веер, на коленях был небрежно брошен кружевной платок. Мать часто оглядывала туалет дочери: не отделилась ли какая-нибудь непокорная прядь волос, правильно ли лежит на шее и на груди цепочка с бриллиантовым крестиком, красиво ли драпируется шлейф около ног. Носок розовой миниатюрной ботинки кокетливо выглядывал из-под платья и все время, пока продолжалось чтение, оставался на виду.

Подле них, немного позади, поместилась полная, кругленькая, невысокого роста дама лет тридцати, с голубыми, как небо, детскими глазами, в голубом платье, с голубым же головным убором. На ее большом и красивом, как у здоровой кормилицы, лице разливались широкие пятна румянца и с губ не сходила улыбка, тоже

детская. Она вошла с этой улыбкой, здоровалась ею же со всеми, с улыбкой слушала чтение и уедет с тою же стереотипною улыбкою, которая так же известна была всем ее знакомым, как и вздрагивания и “ахи” княгини Тецкой или выражение непонимания при намеках на любовь на лице княжны. Она являлась с этою улыбкою везде, даже на похороны — и теперь таяла от удовольствия, еще до начала чтения. “*Ça doit être joli!*”³⁰ — шептала она соседям. Это была известная в свете вдова Лилина, всегда всем довольная, всех любившая и всеми любимая и балуемая, и страстная охотница до домашних спектаклей, всяких чтений и концертов» (VII. 104–105).

Есть тут у Гончарова и портрет Наташи Ростовской, впервые вывезенной в свет: «Далее, в тени абажура лампы, поместилась на маленьком патэ та дама, которую пригласил автор, графиня Синявская, и рядом, близко, почти на колени к ней, прильнула семнадцатилетняя прелестная брюнетка, ее дочь, в простом розовом баржевом платье, с кисейным шарфом на шее, без веера, даже без перчаток, которые она сняла, лишь только села, и положила на столик рядом. У нее с кистей рук еще не спала, как у многих подростков, краснота молодой крови. Ее светло-карие глаза сыпали снопы лучей наивной, нескрываемой радости от всего, что она тут видит и слышит. Она робко, стороной, бросала застенчивые, но любопытные взгляды на всё и на всех: на автора, на глухого графа Пестова, на нервные вздрагиванья княгини Тецкой, на туалет княжны и Лилиной — и потом смотрела на мать, как будто спрашивая, так ли она держит себя, как следует» (VII. 105).

Другой принципиальный вопрос — изображение любви в современном романе. Он тоже затронут в письмах к Валугеву — и снова упоминается автор «Войны и мира». Ведь романы Гончарова «произведения не просто с любовным сюжетом, но о видах и типах любви в их различиях и противоборстве»³¹. Столь значимое место любви в коллизии романа не принималось представителями революционной демократии. В письме от 6 июня 1877 г. Гончаров замечает: «Они — за некоторые “тезисы”, — пробовали царапать и графа Льва Толстого, несмотря на его громадный, всеми признанный талант... Один талантливый писатель³²... лично говорил мне, что он начал было читать “Анну Каренину”, но на второй части бросил: “Все половые отношения, да половые отношения,— говорил он, — далась им эта любовь!»³³ Гончаров видит в Толстом единомышленника.

Однако в статье «Что такое искусство?» (1897) Толстой ведёт полемику с ним: «Люди нашего кружка, эстетики, обыкновенно думают и говорят противное. Помню, как писатель Гончаров, умный, образованный, но совершенно городской человек, эстетик, говорил мне, что из народной жизни после «Записок охотника» Тургенева писать уже нечего. Все исчерпано. Жизнь рабочего народа казалась ему так проста, что после народных рассказов Тургенева описывать там было уже нечего. Жизнь же богатых людей, с ее влюблениями и недовольством собою, ему казалась полною бесконечного содержания. Один герой поцеловал свою даму в ладонь, а другой в локоть, а третий еще как-нибудь. Один тоскует от лени³⁴, а другой от того, что его не любят³⁵. И ему казалось, что в этой области нет конца разнообразию»³⁶.

Называя Гончарова «эстетиком», Толстой выражал своё отношение к той тенденции в искусстве, которая соединяла в неразрывное целое понятия «красоты»

и «добра». В указанном трактате Толстой подробно разбирает учения многих теоретиков искусства, в частности И. Винкельмана, столь сильно повлиявшего на становление эстетического мировосприятия Гончарова: «По знаменитому сочинению Винкельмана (1717–1767), закон и цель всякого искусства есть только красота, совершенно отдельная и независимая от добра... эта красота выражения есть высшая цель искусства, которая и осуществлена в античном искусстве, вследствие чего искусство теперешнее должно стремиться к подражанию древнему»³⁷. Для Гончарова красота и добро неразделимы. Сам же Толстой недвусмысленно противопоставляет красоту и добро: «Понятие красоты не только не совпадает с добром, но скорее противоположно ему ... говорят о том, что красота бывает нравственная и духовная, но это только игра слов...»³⁸ Когда-то В. Г. Белинский сказал о Гончарове: «Он поэт, художник — и больше ничего»³⁹.

Очевидно, Толстой, писатель пластического и психологического склада, также ощущал свою родственность Гончарову-художнику. Но тем важнее для него была их точка расхождения: отношение к «эстетике» и «проповеди» средствами художественной литературы. Толстому мало было быть просто и только художником. В августе 1901 г. он признавался: «Я любил Тургенева как человека. Как писателю ему и Гончарову я не придаю большого значения. Их сюжеты, обилие обыкновенных любовных эпизодов и типы имеют слишком преходящее значение»⁴⁰. Г. А. Русанов вспоминает сходное противопоставление «литераторов» и «нелитераторов» в речах Толстого в августе 1883 г.: «...Тургенев — литератор, — дальше говорил Толстой, — Пушкин был тоже им, Гончаров — еще больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я — не литераторы»⁴¹. Приверженность Гончарова чисто художественной традиции русской и мировой литературы Толстому, опровергавшему авторитеты и ставившему перед собой и своим творчеством прежде всего нравственные сверхзадачи, могла показаться чем-то узким и едва ли не мещанским. Отсюда, при всем уважении к Гончарову, у Толстого, при сравнении Гончарова и Достоевского, срывается фраза: «Конечно, это настоящий писатель, с истинно религиозным исканием, не как какой-нибудь Гончаров»⁴². Разумеется, Толстому не хватало в Гончарове не столько «религиозного искания», сколько публицистичности и открытой проповеди.

Известно, что Толстой несколько раз перечитывал «Обломова». По прошествии лет роман всё более не удовлетворяет Толстого. 10 октября он записывает: «После обеда шил и опять “Обломова”. История любви и описание прелестей Ольги невозможно пошло»⁴³. В 1890 г. (в середине октября) Л. Толстой снова вслух читал в Ясной Поляне в семейном кругу роман «Обломов»⁴⁴. Уже после смерти Гончарова, в 1894 г. Толстой передавал свои разноречивые оценки творчества Гончарова.

В письме от июля 1887 г. Толстой признаётся, что тот имел большое влияние на его писательскую деятельность. Гончаров отвечал на это признание: «Тургенев, Григорович, наконец и я, выступили прежде Вас... То есть мы, в том числе, пожалуй, и я, заразили Вас охотой, пробудили и желание в Вас, а с ними и “силу львицу”». В этом смысле, может быть, и я подталкивал Вас» (VIII. 496). На самом деле, Толстой действительно испытывал творческое влияние Гончарова, хотя вопрос об этом влиянии ещё только начал робко разрабатываться в нашем литературоведении⁴⁵. Здесь

прежде всего следовало бы говорить о влиянии Гончарова-романиста, который уже вышел за рамки пушкинско-гоголевского романа и создал новый фундаментальный жанр «романа-монографии», перебросив мостик к ещё более крупным романным формам Достоевского и Толстого⁴⁶.

¹ *Кони А. Ф.* На жизненном пути. СПб., 1913. С. 475. Правда, совершенно странно, как А. Ф. Кони мог написать, что у Гончарова, «как у Толстого, отсутствует юмор» (С. 475). Ведь мягкий юмор сплошь окрашивает все произведения Гончарова.

² *Барсов А.* Литература после Гоголя. «Обрыв» И. А. Гончарова // Педагогический сборник. 1912. № 8. С. 94.

³ *Апостолов Н. Н.* Лев Толстой и его спутники. М., 1928. С. 52–53.

⁴ См., например: *Сабуров А. А.* «Война и мир» Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика. М., 1959. С. 442–446. Исследователь отмечает композиционные отличия «Войны и мира» и романов Гончарова. Н. К. Пиксанов в статье «Крестьянская тема в “Обрыве”» (Русская литература. 1962. № 4.) отмечал идейные схождения между Толстым и Гончаровым. П. Николаев в предисловии к «Обрыву» выразил мнение, что идиллический образ Марфиньки есть «начальный вариант — будущий толстовский гимн естественному бытию природы... во вступительных строках романа “Воскресение”... Правда, в “Обрыве” нет философской и социальной обобщенности толстовского романа...» (*Николаев П.* Художественная правда классического романа // *Гончаров И. А.* Обрыв. М., 1980. С. 19). Отдельные замечания можно встретить в книге Э. Г. Бабаева: «У Гоголя, Тургенева и Гончарова... можно отметить обилие “побочных жанровых картин”, которые как будто не имеют прямой связи с фабулой...» (*Бабаев Э. Г.* Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. Изд. 2-е. М., 1993. С. 116).

⁵ Ряд источников дают дату знакомства с Гончаровым и обеда у Тургенева — 23 ноября. См.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева.* Л., 1934. С. 80; *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. С 1855 по 1869 год. М., 1957. С. 4.

⁶ «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть возмущённым, жёлчным, злым очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любят больше, чем Пушкина. Критика Белинского верх совершенства, ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов. А я нахожу, что скверно, потому что человек жёлчный, злой, не в нормальном положении. Человек любящий — напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 20 т. М., 1965. Т. 17. С. 98–99).

⁷ См.: *Вердеревская Н. А.* Л. Н. Толстой и проблема женской эмансипации // Толстовский сборник. Тула, 1964; *Курляндская Г. Б.* И. С. Тургенев и русская литература. М., 1980. С. 92–93 и др.

⁸ См. письмо И. А. Гончарова к С. А. Толстой от февраля 1877 года: «... Любить детей! Одна эта задача может и должна поглощать женщину-мать...» (Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 20). Ощутимо, что именно произведения Толстого и его авторитет в русской литературе являются для Гончарова своеобразной опорой в подобного рода дискуссиях. До прочтения романа «Война и мир» Гончаров не высказывался по данным вопросам, тем более с пафосом, ему мало присущим.

⁹ «Вы появились в Петербурге в литературном кругу, я видел и признавал в Вас человека, каких мало знал там, почти никого, и каким хотел быть всегда сам... Теперь я уже полуослепший и полуоглохший старик, но не только не изменил тогдашнего своего взгляда на Вашу личность, но еще более утвердился в нем» (*Гончаров И. А.* Собр. соч. В 8 т. М., 1952–1955. Т. 8. С. 495. Далее ссылки на это издание даны в тексте).

¹⁰ Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000. С. 200.

¹¹ Там же.

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (юбилейное). М., 1928–1959. Т. 60. С. 140. Далее ссылки даются на это издание.

¹³ «“Обломов” капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от “Обломова” и перечитываю его еще раз. Но что приятнее ему будет — это, что “Обломов” имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике» (Толстой Л. Н. Собр. соч. В 20 т. М., 1965. Т. 17. С. 199).

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Ваше воззрение на искусство имеет в себе что-то новое, оригинальное, иногда даже пугающее своей смелостью; если не во всем можно согласиться с Вами, то нельзя не признать самостоятельной силы.... Я желал бы указания не на случайные какие-нибудь промахи, ошибки, которые уже случились и, следовательно, неисправимы, а указания каких-нибудь постоянных дурных свойств, сторон, замашек, аллюр и т. п. моего авторства, — чтобы (если буду писать) остерегаться от них. Ибо, как ни опытен автор (а я признаю за собой это одно качество, то есть некоторую опытность), а всё же ему одному не оглядеть и не осудить кругом и с полнотой самого себя» (VIII. 318–319).

¹⁶ На закуску (фр.).

¹⁷ Цит. по: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.–Л., 1960. С. 175.

¹⁸ Характерно его письмо к М. М. Стасюлевичу от 10 июня 1870 года: «Недавно граф Апраксин спрашивал меня в письме из Франценсбада, пишу ли я что-нибудь: я отвечал, что начал роман «о мире, о войне, о пиве, о вине... и вообще о человеческой жизни» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. В 4 т. СПб., 1912–1913. Т. IV. С. 100).

¹⁹ Толстой Л. Н. Вступление, предисловие и варианты начал «Войны и мира» // Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Юбилейное издание. Т. 13. С. 55–56. Эту самостоятельность отдельных частей «Войны и мира» отмечали многие критики, начиная с Н. Д. Ахшарумова, который писал: «Внимание наше поражено красотой отдельных частей, но мы не в состоянии уловить целого» (Ахшарумов Н. Д. Война и мир. Сочинение графа Толстого // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 107). С. Г. Бочаров, разворачивая признание Толстого, пишет: «“Война и мир” вспоминается яркостью эпизодов, отдельных картин, каждая из которых много значит сама по себе... Отдельные эпизоды... по-своему автономны, завершены. Жизнь, которую рисует Толстой, очень насыщена в каждой точке» (Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир» // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 363).

²⁰ Литературный архив. М.–Л., 1961. Т. 6. С. 81–82.

²¹ Страхов Н. Н. Война и мир. Сочинение Л. Н. Толстого. Статья первая // Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 182.

²² М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. В 4 т. СПб., 1912–1913. Т. IV. С. 143: «Благодарю Вас покорнейше, многоуважаемый Михайло Матвеевич, за присылку томика “Русской библиотеки”...». Примечание редактора М. К. Лемке: «Том IX – “Граф Л. Н. Толстой”».

²³ Это прямо перекликается со словами Н. Н. Страхова, написанными примерно в то же время (1869): «Гр. Л. Н. Толстой есть *реалист*, т. е. принадлежит к давно господствующему и весьма сильному направлению нашей литературы» (Страхов Н. Н. Война и мир. Сочинение Л. Н. Толстого. С. 186).

²⁴ Гончаров А. Н. Воспоминания // Вестник Европы. 1908. № 12. С. 38.

-
- ²⁵ *Страхов Н. Н.* Война и мир. Сочинение Л. Н. Толстого. С. 186.
- ²⁶ Ещё в 1960-е гг. Н. Б. Подвицкий заметил: «Гончаров изображает своих героев в процессе развития (правда, в меньшей степени, чем позднее это делает Л. Толстой)... Гончаров показывает крупные изменения на протяжении всего жизненного пути Обломова...» (*Подвицкий Н. Б.* Портретная характеристика в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 205).
- ²⁷ *Гончаров И. А.* Литературно-критические статьи и письма. М., 1938. С. 306.
- ²⁸ Там же. С. 308.
- ²⁹ См.: *Мельник В. И.* «Пиковая дама» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Традиция в истории культуры. Ульяновск. 1999. С. 20–22.
- ³⁰ Это должно быть прекрасно! (фр.)
- ³¹ *Недзвецкий В. А.* Романы И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992. С. 22.
- ³² Имеется в виду М. Е. Салтыков-Щедрин.
- ³³ Гончаров И. А. Литературно-критические статьи и письма. С. 295–298.
- ³⁴ Имеется в виду, очевидно, Обломов.
- ³⁵ Имеется в виду Райский.
- ³⁶ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 20 т. М., 1964. Т. 15. С. 110.
- ³⁷ Там же. С. 61.
- ³⁸ Там же. С. 101.
- ³⁹ И. А. Гончаров в русской критике: Сб. статей. М., 1958. С. 32.
- ⁴⁰ *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 92–93.
- ⁴¹ *Русанов Г. А.* Поездка в Ясную Поляну (24–25 августа 1883 г.) // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 232, 236.
- ⁴² *Булгаков В.* Лев Толстой в последний год его жизни. 1920. С. 5.
- ⁴³ *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 20 т. М., 1965. Т. 19. С. 394.
- ⁴⁴ См.: *Алексеев А. Д.* Летопись. С. 302.
- ⁴⁵ См., например: *Кибальник С.* Героини «Обломова» в «Анне Карениной»? // Лев Толстой и мировая литература: проблемы войны и мира. Русская литература авангард XX века в европейском контексте. Симферополь, 1992. С. 45–47.
- ⁴⁶ О схождениях романной формы Гончарова и Толстого см. общие замечания Б. И. Бурсова: *Бурсов Б. И.* Лев Толстой и русский роман. М.–Л., 1963. С. 35–36; 41.